

В.Н.Ярхо. Ф.Ф.Зелинский – переводчик Софокла

Софокл. Драмы.

В переводе Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки и В. Н. Ярхо

под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо

Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо

Серия "Литературные памятники". М., "Наука", 1990

ОСР Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Вышедший в 1914-1915 гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых трехтомник Софокла в переводах Ф. Ф. Зелинского явился значительным событием русской культурной жизни и, в частности, в истории приобщения русского читателя к творческому наследию великого древнегреческого трагика. Впервые на русском языке появились переведенные одним человеком не только все семь трагедий, но и около девяти сотен фрагментов из его не сохранившихся полностью драм. Сгруппированные по мифологическим циклам, они, помимо всего прочего, составили еще и увлекательное собрание греческих преданий. Но главная ценность издания Зелинского была все же не в отрывках из Софокла, обращенных к достаточно подготовленному читателю. Гораздо важнее, что весь перевод был выполнен в соответствии с едиными принципами и к тому же – крупным филологом, отдавшим Софоклу более двух десятилетий своей жизни. В наше время серьезная филологическая подготовка переводчика, берущегося за античного автора, является первым и неременным условием. В XIX в. два качества – поэтическое дарование и знание древнегреческого языка – не слишком часто соединялись в одном человеке. Иначе обстояло дело с Зелинским.

Фаддей Францевич Зелинский (1859-1944) был очень крупной фигурой в русской и мировой классической филологии в последние десятилетия прошлого и в первой трети нынешнего века.

Получив гимназическое образование в Петербурге, он затем пробыл 4 года в Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете, где получил степень доктора философии за работу, посвященную последним годам 2-й Пунической войны (1880 г.). Другую диссертацию – на степень доктора филологических наук – Зелинский защитил 6 лет спустя в Дерптском университете (Тарту), уже будучи профессором классической филологии Петербургского университета. В этой должности он пробыл около 40 лет, подготовив несколько поколений отечественных филологов-классиков. С 1921 г. Зелинский жил в Польше, оставаясь до конца жизни профессором Варшавского университета, членом Польской Академии наук и многих иностранных академий, почетным профессором целого ряда западноевропейских университетов.

Научные интересы Зелинского отличались необыкновенной широтой и разносторонностью. В своих работах по древнеаттической комедии он по существу открыл элементы ее симметричного построения и объяснил развитие в пределах одного жанра весьма разнородных фольклорных истоков. Зелинский первым сформулировал обязательный для гомеровского эпоса "закон хронологической несовместимости" (действия одновременные изображаются как следующие друг за другом); в то же время ему принадлежат ценные исследования в области ритмического характера латинской прозы. Его капитальная монография о месте ораторского наследия Цицерона в истории мировой культуры ("Cicero im Wandel der Jahrhunderten") выдержала при жизни Зелинского четыре издания (последнее – в 1929 г.).

Наряду со специальными исследованиями в области античной культуры Зелинский отдавал много сил и времени ее популяризации, выступая как самый горячий пропагандист ее непреходящего гуманистического значения. В царской России на рубеже XIX-XX вв., когда классическое образование в результате реформ Толстого и Делянова было загнано в узкое русло усвоения грамматических правил и бесконечных исключений, культуртрегерская деятельность Зелинского несомненно имела большое значение. Впрочем, недостаток в живом слове об античности ощущался в это время, как видно, не в одной России: лекции Зелинского, читанные в 1903-1905 гг. учащимся выпускных классов гимназий и реальных училищ и объединенные затем в книгу "Древний Мир и мы", были тут же переведены на немецкий, французский, английский, итальянский и чешский языки, служа для многих тысяч читателей своеобразным введением в культуру античного мира.

Любовь к популяризаторской деятельности была одной из причин дружбы Зелинского с его ровесником – профессором того же Петербургского